

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

«Ученое сословие» России в конце XIX – начале XX в.

В данной статье рассматривается эволюция положения «ученого сословия» Российской империи на заключительном этапе ее существования. Отмечается, что «Общий» устав 1884 г. полнее других уставов (1804, 1835, 1863 гг.) проводил идею подчинения российских университетов контролю со стороны правительства, что этот устав реставрировал в сфере управления университетами авторитарные порядки «мрачного семилетия» (1848–1855 гг.), на время забытые в «эпоху Великих реформ». В статье подчеркивается, что вся история существования российских университетов характеризуется несогласованными, а нередко и противоречивыми методами управления со стороны государства, отмечается, что все организационные, кадровые, научные и учебно-методические проблемы жизнедеятельности российских университетов перешли в новую советскую эпоху.

Ключевые слова: Министерство просвещения, министр просвещения, попечитель, ректор, ученый совет, «ученое сословие», декан, профессор, студент, разрыв корпоративных связей, регламентация академической деятельности, бюрократизация университетов, правовая культура реформаторов высшего образования, университеты и государственная власть, «уступки» самодержавия.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

«Scientific Estate» of Russia at the end of the XIX – the beginning of the XX century

In this article the evolution of the position of «the scientific estate» of the Russian Empire at the final stage of its existence is considered. It is noted that the «General» charter of 1884 is fuller than other charters (1804, 1835, 1863), and it carried out the idea of submission of the Russian universities to the control from the government that this charter restored the authoritative orders of «gloomy seven years» (1848–1855) in the sphere of university management, which were partially forgotten in «the era of Great reforms». In the article it is emphasized that the whole history of existence of the Russian universities is characterized with uncoordinated, and sometimes contradictory management methods of the state, it is noted that all organizational, personnel, scientific and educational and methodical problems of the activity of the Russian universities passed into a new Soviet era.

Keywords: the Ministry of Public Education, Minister of Education, trustee, Rector, Academic Council, «scientific estate», Dean, Professor, student, rupture of corporate affairs, regulation of the academic activity, bureaucratization of universities, legal culture of reformers of the higher education, universities and government, «concessions» of autocracy.

Данная публикация завершает серию из 20 статей, опубликованных в журналах «Ярославский педагогический вестник» и «Университетский научный журнал» (г. Санкт-Петербург) в период с 2011 по 2015 г. и посвященных проблеме становления и развития «ученого сословия» России – корпорации профессоров, преподавателей и студентов российских университетов. Авторы предложили свой взгляд на, казалось бы, известную проблему, основываясь на скрупулезном анализе официальных документальных источников, материалов обсуждения университетских уставов, источников личного происхождения, исследовательской литературы имперского, советского и постсоветского периодов.

Покушение на Александра II и его гибель предопределили новое реформирование университетов, в ходе которого в очередной раз требовалось усилить правительственный контроль за

учащимися и учащими и через возрождение административного давления положить конец процессу либерализации университетской жизни, ставшей, по мнению властных структур, причиной студенческого и профессорского произвола.

В 1879 г. по инициативе нового министра просвещения Д. А. Толстого университетские советы, обвиненные в «коллективной безответственности» за неспособность противостоять социалистической и революционной пропаганде и отсутствие «охранительного такта», потеряли судебную и административно-дисциплинарную власть [23, с. 483, 500–502]. Она, как и в период «мрачного семилетия», оказалась сосредоточенной в подчинявшемся попечителю правлении и восстанавливавшейся в своих широких полномочиях университетской инспекции. Совет лишился права распоряжаться даже своими заработанными – специальными – средствами, заведовать

стипендиями и льготами для студентов; ректор потерял влияние на студенческие дела; опять наметилась тенденция превращения профессоров в должностных лиц на «коронной службе» [37, с. 55, 60].

Эти поправки университетского устава 1863 г. свидетельствовали о характере готовившихся преобразований академических устоев, поэтому вновь развернувшаяся в правительстве, университетских кругах, прессе дискуссия по «университетскому вопросу» при явном перевесе защитников «либерального устава» и противников коренной ломки университетского строя [13, с. 66–70; 35, с. 197, 248, 249] завершилась по воле Александра III принятием новой нормативно-правовой базы развития российских университетов. Она явилась решительным поворотом от предыдущего опыта существования «конституционного режима» в самодержавном государстве, официально признававшегося неудачным, в сторону дальнейшего огосударствления «цитаделей» отечественной науки.

«Общий» устав 1884 г. [19] полнее всех предшествовавших проводил идею подчинения университетов правительственному контролю и влиянию, а также реставрировал в сфере управления университетами авторитарные порядки «мрачного семилетия», на время забытые в «эпоху Великих реформ». Он расширял средства надзора за университетами со стороны министра народного просвещения, получившего права избирать ректора (отд. I, § 4; отд. II, гл. II, § 10), назначать, повышать по службе и увольнять профессоров (отд. II, гл. IV, § 30. III. № 2, 4, 5, 9, 10; отд. III, гл. I, § 62, 64; отд. IV, § 98, 100, 102–105, 109–112), а также контролировать результаты преподавания при помощи ежегодно назначавшихся им председателей и членов итоговых испытательных (экзаменационных) комиссий (отд. III, гл. II, § 75). Министр санкционировал структурные изменения на факультетах и кафедрах, учебные планы и даже «обозрения преподавания» по дням недели и часам, визировал инструкции, регламентировавшие поведение студентов (отд. II, гл. IV, § 30. III. № 3, 7, 8, 11–13).

Непосредственным начальником университета стал назначавшийся министром попечитель (отд. I, § 4), в руках которого оказались сосредоточены все рычаги управления учебным процессом и дисциплинарной политикой: он избирал деканов факультетов (отд. II, гл. III, § 24); контролировал карьерный рост преподавателей и

определял степень их служебного соответствия (отд. III, гл. I, § 64; отд. IV, § 99, 100, 102, 104 и др.); подбирал «инспектора студентов» (отд. II, гл. VII, § 46, 49, 50) и возглавлял надзор за поведением учащихся (отд. V, § 125). Присутствуя во всех звеньях университетского управления (отд. II, гл. I, § 7), он превращался в гарант выполнения «личным составом» университета устава и сопровождавших его министерских инструкций.

Ближайшим помощником попечителя устав называл независимого от «ученого сословия» ректора, наделявшего обширной дисциплинарной и контролирующей властью (отд. I, § 5; отд. II, гл. II, § 11–14, 17; гл. III, § 27. I. № 8; гл. VII, § 48, 49). Возглавлявшееся им правление, которое состояло из министерских назначенцев, деканов и инспектора, превратилось в постоянно действующий – в отличие от совета и факультетских собраний – орган университетской власти [отд. II, гл. VI, § 40, 41; гл. IV, § 30; отд. V, § 125]. Обширные полномочия правления давали ему реальную возможность воздействовать на преподавателей и студентов через применение финансовых и судебно-карательных обязанностей [8, с. 730; 12, с. 192; 28, с. 97, 98].

Другие коллегиальные органы университетского самоуправления: совет и факультетские собрания – отстранялись от решения общеуниверситетских (административных, судебных, хозяйственных) проблем и сосредоточивались исключительно на собственно академических обязанностях [отд. II, гл. III, § 27; гл. IV, § 28, 30; отд. III, гл. I, § 71; гл. II, § 84, 85; гл. III, § 93, 94].

Планы и программы преподавания, содержание и направление лекционных курсов, объем требований, предъявлявшихся студентам на выпускных экзаменах, способы и виды образовательного воздействия преподавателей на студентов, то есть все виды академической деятельности, были подведены под систематический контроль, надзор и регламентацию, которые осуществлялись лицами, поставленными вне профессорской коллегии [32, с. 127].

По новому уставу преподаватели, как и студенты, превращались в «посторонних посетителей университета» [12, с. 192, 193]. Следовательно, по их корпоративному устройству вновь, как и в период действия устава 1835 г., наносился удар. Совпадение в «университетском вопросе» политики Александра III и Николая I объясняется тем, что для нового российского императора эталоном самодержавия было николаевское цар-

ствование, когда административная централизация университетов мыслилась наиболее результативным средством решения сложных политических и социальных проблем [27, с. 35, 36]. Разрывая корпоративные связи «ученого сословия» и разрушая его корпоративную солидарность, власть рассчитывала подавить революционное брожение, в которое были втянуты неблагонадежные преподаватели и студенты, и единственным способом борьбы с реальной опасностью, исходившей от них, она видела превращение университетов в «чиновнические учреждения», построенные на принципах «бюрократической организации» [12, с. 192].

Если в 30-х гг. XIX в. в практику работы университетов стали внедряться принципы субординации, то в конце XIX в. они приобрели более «совершенные» формы. Университетская администрация была выделена в особую «касту», наделенную силой, авторитетом, близостью к имперской бюрократии. Ректор стал независим от совета, деканы – от факультетских собраний, инспектор – от профессорско-преподавательского состава [26, с. 182]. Профессора, доценты, лекторы, отчужденные от решения общеуниверситетских проблем, оказались в системе должностной иерархии ниже по значению носителей властных полномочий. Это приводило к разобщенности внутриуниверситетских сил. Рядовые преподаватели, не облеченные властью, утрачивали нравственную ответственность за ход университетских дел, а отождествление их с чиновниками приводило к утрате авторитета в глазах студентов.

Процедуры обновления и пополнения профессорско-преподавательской коллегии также претерпели изменения. Министр просвещения по уставу 1884 г. получил права назначать профессоров, помимо их избрания по системе баллотирования (отд. IV, § 99–103), направлять в университеты сверхштатных профессоров из лиц, получивших известность своими «учеными трудами» (отд. III, гл. I, § 62), разрешать временно исполнять обязанности по вакантной кафедре любому обладателю ученой степени, «сведущему по этой кафедре» (§ 64). Ему разрешалось нарушать порядок присвоения ученых степеней, допуская к соисканию «докторской степени» и даже возводя в «степень доктора» лиц, пользовавшихся признанием в научном мире (отд. III, гл. III, § 27. II. № 3, 4; отд. II, гл. IV, § 30. III. № 9, 10).

Снискавшие особое доверие главы учебного ведомства представители «ученого сословия» нередко не имели требовавшегося уставом образовательного ценза [12, с. 181, прим. 2]. Это приводило к понижению значения и ценности ученых степеней, ставило под сомнение целесообразность долгого, неустанного, изнурительного труда, связанного с их получением, ударяло по репутации университетов – средоточию истинных людей науки. Борясь со злободневной кадровой проблемой, на протяжении многих десятилетий беспокоившей университеты, министры просвещения наводнили «рассады наук» людьми, далекими от науки, но ловкими карьеристами, склонными к угодничеству и конформизму, и это начало вызывать закономерные упреки в адрес «ученого сословия», терявшего репутацию из-за быстро прививавшихся в университетской среде манер угодничества, заискивания перед начальством [12, с. 178–180]. Чиновничий карьеризм, стремление добиться повышения по службе и дополнительных материальных благ через быстрый и надежный способ – расположение высшего начальства – характеризовали систему ценностей и норм поведения министерских назначенцев, чье появление в университетах вносило новый раскол в «ученое сословие», противопоставляя их тем «властителям дум» юношества, кто заработал свои ученые степени и звания научными заслугами, добросовестной профессиональной деятельностью [32, с. 114–116].

Кроме того, устранение выборного начала – главного показателя университетского самоуправления – было вызовом, брошенным имперской бюрократией, профессиональной научной интеллигенции, что не могло способствовать установлению диалога между властью и университетским сообществом. Административное вмешательство в устоявшиеся законы организации внутриуниверситетской жизни ассоциировалось с упадком нравственного престижа «ученого сословия» и рассматривалось как механизм перерождения ученых в чиновников [28, с. 109].

Недовольство в ученой среде, вызванное проведением Министерством просвещения кадровой политики, усиливалось и по другой причине. Как и при Николае I, в университетах эпохи Александра III начали вновь выставляться заслоны проникновению в дворянское сословие лиц несвободных состояний по рождению. Хотя в конце XIX в. происходило падение значения социального происхождения и шел процесс размывания

сословных границ, устав 1884 г. оберегал привилегии дворянства, запретив детям мещан и крестьян, получившим университетское образование и даже защитившим диссертации, пользоваться преимуществами высшего сословия: они причислялись к потомственному почетному гражданству (отд. III, гл. II, § 92).

Реанимируя сословные различия в интеллектуальной среде, внутри «ученого сословия», где они никогда не имели самодовлеющего значения, самодержавие пыталось насадить идеологию порядка, так как расчленение университетской коллегии по непрофессиональным признакам облегчало управление ею.

Впервые в истории существования университетов внутри корпуса ученых-профессионалов, обладавших едиными научными заслугами, квалификацией и принадлежавших к одним и тем же научным и сословно-табельным разрядам, начались разлады и соперничество на материальной почве. «Монетизация» труда преподавателей, возникшая в связи с введением гонорарной системы за «слушание лекций» [отд. V, § 129, 130], вызвала к жизни неизвестное прежде материальное неравенство и потянула за собой зависть и вражду коллег. Работа на непрестижных факультетах, в мелкокомплектных аудиториях, чтение необязательных – специальных – курсов, невос требованных на государственных экзаменах, становились экономически невыгодными, так как не приносили существенной прибавки к жалованью [32, с. 135]. Одаренность преподавателя, его научные заслуги и педагогический талант оказывались незамеченными и неоплаченными, а потому и не порождали стимулов к дальнейшему совершенствованию профессионального мастерства. Гонорарная система стала главным препятствием и для дальнейшего развития учебного процесса – одной из наиболее важных задач, поставленных составителями устава перед университетами: интересы расширения его объема за счет учреждения «научных упражнений» для студентов всех факультетов приходили в столкновение с материальными возможностями учащихся, своими платежами за образовательные услуги поднимавших уровень жизни преподавателей [4, с. 546, 547; 16, с. 99].

Итак, реформирование университетов на новой законодательной основе вызвало важные изменения в «ученом сословии», которое снова не могло претендовать на статус особого слоя профессиональной интеллигенции. Внутри профес-

сорско-преподавательских коллективов, и прежде не отличавшихся монолитностью, появились новые градации: университетское начальство и рядовые профессора, лишенные права управлять академической деятельностью «оплотов наук»; ученые, обеспеченные достойными заработками, и их коллеги, нуждавшиеся в средствах к существованию; преподаватели, принадлежавшие к потомственному дворянству, со всеми причитающимися их социальному положению привилегиями, и представители более низкой сословной принадлежности – потомственные почетные граждане. «Ученое сословие» лишилось своего основного профессионального преимущества, прежде составлявшего его «особость» по сравнению с другими корпоративными группами интеллигенции и возвышавшего над ними: права осуществлять самополнение рядов через систему квалифицированной оценки научных заслуг ученых, что раньше являлось одним из ведущих факторов развития отечественной науки и главных центров ее продуцирования – университетов. С тех пор как это право было отчасти присвоено высшими правительственными чиновниками, подчиненность «ученого сословия» и подконтрольность науки усилились. Университеты стали объектом всесторонней государственной опеки.

Эти последствия реформирования университетов по уставу 1884 г. соответствовали проводившейся государством четко намеченной программе изоляции оппозиционных императорской власти университетов от активизировавшегося общественно-политического движения. Непрочное, внутренне неоднородное, ослабленное многочисленными «ударами» правительства «ученое сословие» не представляло никакой опасности государству и не несло никакой угрозы проводившейся им политике. Вновь поколебав корпоративное единство «ученого сословия», составители устава пошли по пути, проложенному полвека назад: они предоставили «личному составу университета по учебной части» (отд. IV), к которому отныне причислялся профессорско-преподавательский коллектив, только служебные привилегии.

«Должностные лица, служащие по учебной части» (отд. II, гл. II, § 14), имели четко нормированную рабочую неделю («шестичасовую норму» – § 67), увеличенный на восемь календарных дней ежегодный отпуск (§ 18). Длительность стажа, достаточного для прекращения рабочей

деятельности, по-прежнему составляла двадцать пять лет (отд. IV, § 104), но расчет пенсий и пособий начал осуществляться по полным окладам содержания, включавшим жалованье, «столовые» и «квартирные» (отд. IV, гл. III, § 152–156), причем семья умершего профессора могла рассчитывать на получение всех установленных ему пенсионных выплат (§ 154, прим. 1).

Преподаватели имели возможность осуществлять контакты с зарубежными университетами: предпринимать полезные для повышения их научной квалификации поездки за государственный счет (§ 147, д), беспошлинно и бесцензурно ввозить научную литературу и «учебные пособия» (§ 150). Публикации профессоров в университетских типографиях также не подлежали цензуре (§ 138, 140). Преподавателям разрешалось вступать в «ученые сообщества» (§ 145) и проверять результаты своих научных поисков в университетских лабораториях, а также на практических занятиях, активно вовлекая студентов в исследовательский процесс [отд. III, гл. I, § 66; отд. V, § 130].

Сохранение этих «преимуществ» университетов, с которыми по давней традиции отождествлялись университетские ученые, не помешало законодателям приравнять их к чиновникам, поставив развитие профессиональной карьеры представителей профессорско-преподавательского состава в зависимость от личного отношения попечителя и расположения министра просвещения.

Таким образом, устав 1884 г. завершил начатый Николаем I процесс превращения «ученого сословия» в отряд чиновничества, служащего по учебной части, обладавшего профессиональными правами и обязанностями; они соответствовали должностному рангу преподавателя и определялись «преимуществами» университетов перед другими образовательными учреждениями России. С развитием высшего профессионального образования эти «преимущества» нивелировались, превращая «личный состав университетов» в педагогический состав высшей школы – один из слоев научной интеллигенции, находившейся на чиновничьей службе.

Продолжением политики государственной централизации и бюрократизации «рассадников наук» стало практиковавшееся в годы правления Николая II назначение на вершину управленческой вертикали университетов «чиновников от просвещения» – известных профессоров, успеш-

но справлявшихся с выполнением обязанностей ректоров, а с середины 90-х гг. XIX в. – еще и попечителей учебных округов. Действуя в очень сложной обстановке назревания общественно-политических перемен рубежной эпохи XIX–XX вв. и последующего революционного натиска, министры просвещения, принадлежавшие к научной интеллигенции, вынуждены были прежде всего нейтрализовывать леворадикальные силы университетов, грозившие обострением напряженности в стране. Это заставляло их сосредоточивать все свои усилия преимущественно на восстановлении здоровой академической среды и наведении расшатанного студентами порядка в зданиях и аудиториях университетов [31, с. 146–148]. Прибегая в своих действиях к спасительной силе «Инструкций» и «Циркуляров» [к примеру, 18], министры возложили на профессорско-преподавательский состав выполнение главным образом мер воспитательного воздействия на студентов, призванных предупредить и искоренить неповиновение учащихся университетскому начальству и властям. Руководство творческими студенческими обществами и научными кружками, организация занятий в открывавшихся общежитиях (при Н. П. Боголепове) [14, с. 53–55, 63], выполнение обязанностей курсовых кураторов, участие в работе профессорских дисциплинарных судов (при Г. Э. Зенгере) [5, 33] были сопряжены с наставнической деятельностью преподавателей и преследовали цель деполитизации «храмов наук», которая была важнее и актуальнее «научной производительности» университетов.

Из наиболее важных уступок, полученных университетами в начале XX в., следует считать возвращение им права выбора ректора и деканов (с последующим утверждением избранных кандидатур императором и министром просвещения соответственно) и расширение полномочий советов профессоров по поддержанию академического порядка и пресечению его нарушения [6, § 1, 2].

Попытки нарушить эту урезанную автономию «чиновником от просвещения» Л. А. Кассо [9, с. 242], вместе с отстранением от должности и переводом в другие учебные заведения «неудобных» профессоров [1, с. 96; 25, с. 126; 20.–5.2], накаляли обстановку в университетах, где существовало уже множество нелегальных организаций и активизировались защитники либеральных свобод. К 1917 г. большинство профессоров во-

шло в партию кадетов, приветствовало Февральскую революцию и отречение Николая II от престола. Лишение университетского корпуса преимуществ перед другими высшими образовательными учреждениями облегчило создание Всероссийского академического союза – профессионально-политического объединения ученых высшей школы и Академии наук, также вступившего на путь борьбы с царизмом [29, с. 274; 30, с. 218].

Итак, прослеживая историю «ученого сословия» при помощи университетских уставов, которые отражали «дух» времени их появления и транслировали правовую культуру реформаторов высшего образования России, мы не можем не заметить, что на протяжении почти двух веков университетского строительства шел поиск взаимоприемлемых условий существования царской власти и «рассадников наук».

Политика государства в «университетском вопросе» не была продуманной и просчитанной на десятилетия вперед. Она формировалась спонтанно, повинувшись требованиям времени, и зависела не только от государственных потребностей в образованных, профессионально подготовленных специалистах, но и от состояния общественно-политической среды, а также личного отношения к университетам императоров, которые, начиная с Петра I, взяли на себя роль учредителей и организаторов отечественного высшего образования. С XVIII в. в России распространяется взгляд на университетское образование как на государственное дело, осуществлявшееся за счет казенных средств, в интересах процветания государства и ради удовлетворения государственных потребностей. Присваивая университетам титул «Императорские», вершители судеб российской монархии рассчитывали на то, что их покровительство будет способствовать производству и распространению наук, заставит профессорско-преподавательский состав добросовестно выполнять академические обязанности, обеспечит воспитание «нового поколения подданных»¹. Однако, формируясь под влиянием европейских образцов университетского образования, отечественные «храмы наук» заимствовали у них и, что очень важно, с санкции императоров, принципы корпоративного устройства и идеалы Просвещения², которые оказались несовместимы не только с императивами государственного заказа, но и с сословно-крепостническими порядками самодержавной России.

Это и породило неприязненное противостояние университетов и носителей государственной власти. Отечественные университеты стали образами нового общественно-политического устройства России, воплощенными в жизнь просветительскими утопиями.

В основе университетского устройства лежали выборное начало и коллегиальное управление, а по уставу 1804 г. – еще и университетская автономия: почти полная независимость от государства. Личный успех и карьера ученого определялись не его происхождением, не сословно-табельными привилегиями и чином, а персональными достижениями, научной компетенцией, педагогическим талантом, авторитетом в научно-профессиональном сообществе. Новые критерии оценки личности и результатов ее деятельности, новые представления о социальном престиже и жизненных ценностях, произраставшие в университетах, новые принципы существования академического сообщества: опора на научное знание, свобода научного поиска и исследовательской мысли, открытость мировой культуре – неизбежно приходили в противоречие с принципами сословности, дворянских привилегий, социальной значимости чина, незыблемости «идеологии порядка», составлявшими универсалии самодержавного общественного и государственного строя. Следовательно, императоры, санкционировавшие возникновение университетов и допустившие академические свободы, должны были постоянно сохранять контроль за «ученым сословием», совершенствовать управление университетами, чтобы не допустить распространения идей и нововведений, способных ослабить или нарушить веками создававшиеся порядки, сдерживать процесс осознания профессорско-преподавательской корпорацией своей значимости, нивелировать ее стремление развиваться обособленно, по собственным законам.

Решению задач управления «ученым сословием» во многом должны были служить университетские уставы. Они определяли пределы академического самоуправления, вносили дисциплинированность в образовательный процесс, влияли на темпы численного увеличения «ученых сил», сдерживали и даже разрушали, когда этого требовали обстоятельства, процесс оформления корпоративных прав «ученого сословия».

Все права, которыми пользовались университеты, были добровольной уступкой самодержавия «ученому сословию». Максимальными «до-

стоинствами» университеты обладали в первое десятилетие правления Александра I, когда появился устав 1804 г., и в 60-е гг. XIX в., при Александре II, в «эпоху Великих реформ». Устав 1804 г. всегда являлся эталоном нормативно-правового регулирования отношений власти и «ученого сословия», совершенным образцом университетского законодательства, к которому постоянно стремились вернуться передовые по взглядам представители «ученого сословия».

Однако колебания курсов внутренней политики самодержавия делали колеблющимися и противоречивыми курсы университетского строительства, поэтому за периодом уступок «ученому сословию», как правило, следовал этап «сдержек и противовесов». Страх перед возможностью революционных потрясений в России, вслед европейским державам и по их примеру, а затем и начало либерализации ее общественно-политического устройства вынуждали власть ставить на повестку дня вопрос о разрушении солидарности «ученого сословия» и инкорпорировании его в чиновничество, обязанное по долгу службы охранять стареющие устои самодержавной монархии.

Царизм многое сделал для возникновения университетской системы и развития высшего научного образования: в России возрастало количество университетов; численно укреплялся и университетский персонал, который, благодаря усилиям правительства, стал состоять преимущественно из национальных профессорских кадров³; год от года увеличивалось финансирование «рассадников знаний»; государство все активнее начинало заботиться о совершенствовании качества образовательных услуг; оно не оставляло без внимания научно-исследовательские университетские проекты; заботилось о приумножении «учебно-вспомогательных учреждений»; не препятствовало развитию полезных образовательному процессу контактов с Европой; интенсифицировало возможность достижения высшей научной квалификации, добиваясь тем самым элиминации кадровой проблемы; предоставляло сословные и служебные привилегии «личному составу» университетов.

Однако каждому из перечисленных направлений университетской политики можно найти свой «противовес».

Количество университетов, действительно, возрастало, пока не появилась альтернатива университетам в виде быстро развивавшегося выс-

шего профессионального образования. В первой четверти XIX в. темпы университетского строительства были самыми стремительными – тогда возникло сразу шесть «храмов наук»: к Московскому добавились Дерптский, Виленский, Казанский, Харьковский, Варшавский, С.-Петербургский. Когда в 1831 г. Виленский и Варшавский центры высшего образования были закрыты (по политическим соображениям), по указу Николая I был создан университет в Киеве. Обособленно от российских существовал университет в Гельсингфорсе, да и Дерптский до конца XIX в., развиваясь по своему уставу, оставался «немецким» и по духу, и по устройству, и по программе обучения.

Во второй половине XIX в. открылись Одесский (Новороссийский) и Томский университеты, возобновил на новой идеологической платформе работу Варшавский русский университет. В начале XX в. появилось еще два центра университетского образования – в Саратове и Перми.

География университетского образования расширялась, но потребность в нем начала сокращаться по мере общего роста в России научно-образовательных учреждений. Слава кузниц бунтарей, гнезд нигилизма, рассадников царубийц, закрепившаяся за университетами, никак не могла способствовать их дальнейшему быстрому распространению. 99 процентов ходатайств об открытии государственных высших учебных заведений в различных городах России, даже на ее дальних окраинах, отклонялось [11, с. 189].

Наиболее сложно складывались отношения с университетами у Николая II. Обеспокоенный размахом студенческого движения, охватившего на рубеже веков все университеты, он рекомендовал заметно сократить число студентов в столичных университетах и запрещал создавать новые учебные заведения в университетских городах [10, с. 64]. В 1914 г. в университетах стало обучаться всего 32,2 тысячи человек – 27 % от общего числа российских студентов [36, с. 105].

Финансирование университетов, как и всех других научных и образовательных учреждений Министерства народного просвещения, несмотря на постоянное увеличение выделявшихся из государственного бюджета на его нужды средств, было недостаточным, так как большая их часть шла на покрытие расходов по начальному образованию [27, с. 39; 34, с. 224, табл. 4]. В 1804 г. министерство получило из казны сумму, составлявшую всего два процента государственного

бюджета, в 1829 г. – менее одного процента, в 1896 г. – три процента [3, с. 342, 350]. В 1914 г. расходы на министерство выросли почти в четыре раза, но по-прежнему не превышали четырех процентов бюджета [27, с. 40]. Поступавшие на счета университетов деньги не покрывали даже половины их действительных расходов. Остальные средства «рассадники наук» должны были добывать самостоятельно: привлекать пожертвования от частных лиц, увеличивать плату за обучение, постой, питание студентов и т. п. [7, с. 246, 247].

Учебное ведомство всегда оставалось самым бедным по количеству государственных ассигнований, поэтому развитие науки успешнее стало происходить в заведениях, подведомственных специализированным министерствам и ведомствам, а также в негосударственных центрах – научных обществах.

Практически все министры просвещения пореформенного периода во «всепопданнейших докладах» на имя императора обращали внимание на хроническую незамещенность университетских кафедр, нехватку преподавателей и вспомогательного персонала, на их «крайне скудное материальное положение»⁴. Оклады содержания преподавателей, не менявшиеся десятки лет, делали карьеру ученого и академическую деятельность малопривлекательными.

Тем не менее, специалисты по истории отечественной науки и образования утверждают, что во второй половине XIX в. университеты явились «основной базой для развития науки» [21, с. 181], превратились в «подлинно научные центры» [3, с. 359]. Эти выводы имеют важное значение, особенно если учесть, что главной функцией университетов, провозглашенной еще уставом 1804 г., была не научная деятельность, а подготовка юношества «для поступления в различные звания государственной службы». В первой половине XIX в. правительственные чиновники безжалостно выбрасывали из программы обучения целые разделы и отрасли наук, не способные обеспечить государству выгоду и только «портившие» незрелые умы студентов. Ориентир на утилитарное, прагматическое знание, от которого зависел технический прогресс России и которым обеспечивалось повышение качества жизни подданных императора, всегда превалировал над интересами фундаментальной науки. В середине XIX в. на университеты смотрели как на «рассадники готового знания», и только устав 1884 г.

и следовавшие за ними «Инструкции» требовали форсировать приобщение студентов к самостоятельным видам учебной деятельности, но сделано это было ради деполитизации университетов и опять не с целью развития фундаментальных наук и тем более – поощрения не связанных с эффектом практического применения идейно-мировоззренческих направлений гуманитарного знания. Задача производства науки на университетском уровне не ставилась со времен Академического университета, но имплицитно присутствовала во всем укладе жизни университетов. К примеру, только университеты имели право присуждать ученые степени. Эта важнейшая привилегия «ученого сословия» подтверждалась всеми нормативно-правовыми документами XIX в. и была искажена лишь последним университетским уставом. Однако процедура производства в ученые степени была очень сложной, двухступенчатой и аналогов в зарубежной университетской практике не имела⁵.

С одной стороны, это поднимало статус отечественных ученых и подчеркивало престижность профессионально-научного труда: отфильтровывая безответственных, бездарных искателей чинов, случайных малоквалифицированных «попутчиков» науки, профессорская коллегия формировалась из самых одаренных, преданных науке кадров, но с другой – при постоянном дефиците преподавателей, когда десятки лет пустовали открывавшиеся кафедры, неоправданная строгость правил научной аттестации, особенно связанных с получением степени магистра наук, превращала кадровый вопрос в ахиллесову пяту университетов. Составители устава 1884 г. предложили ускоренные темпы решения проблемы нехватки учебного персонала, которые расширили институт приват-доцентов, позволили министрам просвещения волевыми усилиями назначать сверхштатных профессоров, нарушать процедуру присвоения ученых степеней (отд. III, гл. I, § 62, 64; отд. IV, § 99–103). Однако эти меры обесценивали научные достоинства тех профессоров, кто заработал ученые степени не министерской протекцией, а подтвержденной научным сообществом высокой профессиональной квалификацией. Им приходилось успокаивать себя лишь тем, что их условия осуществления служебных обязанностей, благодаря ускоренным темпам производства молодых научных кадров, должны стать легче. Такой результат был бы возможен при неизменной численности студентов.

На практике же сохранялась ситуация непропорционального соотношения в университетах учащихся и учащихся.

Так, за период с 1864 по 1916 г. количество магистрантов возросло на 1386 человек, а докторов наук – на 880 [15, с. 150]. В одном только Московском университете за первые четырнадцать лет XX столетия штатных и внештатных преподавателей стало больше на 21,7 %. Но за это же время число студентов увеличивалось на 161,8 %. Если на одного преподавателя в 1900 г. приходилось около шестнадцати студентов, то в 1914 г. – уже около тридцати четырех. Привлечением внештатных профессоров и приват-доцентов университетам удавалось сбалансировать соотношение количества преподавателей и студентов, но процесс увеличения «ученых сил» таил в себе новые опасности. Внештатные преподаватели получали зарплату из специальных средств университетов, поэтому она недотягивала до оклада содержания профессоров, зато и ответственность за результаты своей академической деятельности они несли меньшую, что, в свою очередь, не могло не отразиться на качестве проводившихся ими занятий. Предъявить претензии о несоответствии качества образовательных услуг требованиям устава ориентировать учебный процесс на развитие исследовательских навыков студентов администрация университетов, экономившая на труде внештатных преподавателей, не могла.

В целом, можно сказать, что всем лицам, «принадлежавшим к университетскому ведомству», приходилось решать много важных и сложных проблем, объем которых еще и возрос в условиях нестабильной внутриполитической ситуации рубежа XIX–XX вв. В результате несогласованных, а нередко и противоречивых методов управления университетами, которые характеризовали всю историю существования этих «рассадников наук», организационные, кадровые, научные и учебно-воспитательные вопросы их жизнедеятельности перешли в новую, советскую эпоху. Но она изменила отношение к приоритетам и целям высшего научного образования.

Библиографический список

1. Аврус, А. И. История российских университетов [Текст] : очерки / А. И. Аврус. – М., 2001.
2. Андреев, А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века [Текст] / А. Ю. Андреев. – М., 2000.
3. Бастракова, М. С., Павлова, Г. Е. Наука: власть и общество [Текст] / М. С. Бастракова, Г. Е. Павлова // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 2. Власть и культура. – М., 2000. – С. 329–394.
4. Виноградов, П. Учебное дело в наших университетах [Текст] / П. Виноградов // Вестник Европы: Журнал истории, политики, литературы. – СПб., 1901. – Кн. X. Октябрь. – С. 537–573.
5. Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения [Текст] // ЖМНП. – СПб., 1902. – Октябрь. – С. 80–83.
6. Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения [Текст] // Полное собрание законов Российской империи, по воле Государя Императора Николая Первого издаваемое. – СПб., 1908. – Собр. III. – Т. XXV. – Отд. I. – С. 658, 659.
7. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года [Текст] / под ред. В. Г. Кинелева. – М., 1995.
8. Глинский, Б. Б. Университетские уставы (1755–1884 гг.) [Текст] / Б. Б. Глинский // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. – Т. LXXIX. – СПб., 1900. – Ч. 2. – С. 718–742.
9. Господарик, Ю. П. «Кризисный управляющий»: Лев Аристидович Кассо [Текст] / Ю. П. Господарик // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: в 3 т. / под ред. В. М. Филиппова, Г. А. Балыхина, В. А. Болотова, А. Ф. Киселева и др. – Т. 2. – М., 2002. – С. 239–251.
10. Заметки Николая II о народном образовании [Текст] // Былое. – Пг., 1918. – № 2 (30). – Февраль. – С. 61–66.
11. Иванов, А. Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века [Текст] / А. Е. Иванов / отв. ред. С. В. Тютюкин. – М., 1991.
12. Капнист, П. Университетские вопросы [Текст] / П. Капнист // Вестник Европы. – СПб., 1903. – Т. VI (224). – С. 167–218.
13. Котов, А. Э. «Дело профессора Любимова»: власть и общество в борьбе за университет [Текст] / А. Э. Котов // Университетский журнал. Humanities and Science University Journal. – СПб., 2012. – № 2. – С. 63–76.
14. Краткий обзор деятельности Министерства народного просвещения за время управления покойного министра Н. П. Боголепова (12 февраля 1898 г. – 14 февраля 1901 г.) [Текст] // ЖМНП. – СПб., 1901. – Июль. – С. 3–82.
15. Кричевский, Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России [Текст] / Г. Г. Кричевский // История СССР. – 1985. – № 2. Март, апрель. – С. 141–153.
16. Лейкина-Свирская, В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах [Текст] / В. Р. Лейкина-Свирская. – М., 1981.
17. Лященко, Л. М. Александр II, или История трех

одинокость [Текст] / Л. М. Ляшенко. – 2-е изд., доп. – М., 2003.

18. Мероприятия по Министерству народного просвещения: циркуляр об установлении комплекта учащихся для первых курсов университетов и об ограничении учащихся в выборе университета для продолжения образования; циркуляр об организации практических занятий для студентов, студенческих курсов и общежитий; циркуляр о надзоре за учащимися в средних учебных заведениях; новый проект систематических общедоступных курсов; циркуляр об университетской инспекции [Текст] // Русская мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание. – М., 1899. – Кн. VIII. Август. – Внутреннее обозрение. – С. 184–191.

19. Общий устав Императорских российских университетов [Текст] // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – 1864. Царствование императора Александра III. – СПб., 1893. – Т. IX. – С. 985–1026.

20. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры [Электронный ресурс] / Под ред. Е. В. Олесеюка. – URL: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006>.

21. Петров, Ф. А., Гутнов, Д. А. Российские университеты [Текст] / Ф. А. Петров, Д. А. Гутнов // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 3. Культурный потенциал общества. – М., 2001. – С. 124–199.

22. Положение о производстве в ученые степени [Текст] // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1864. – Т. 2, отд. 2. – № 882. – С. 356–365.

23. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения [Текст] / С. В. Рождественский. 1802–1902. – СПб., 1902.

24. Соболева, Е. В. Организация науки в пореформенной России [Текст] / Е. В. Соболева / Отв. ред. А. В. Кольцов. – М., 1983.

25. Сперанский, Н. Разгром русской высшей школы. 1912 год [Текст] / Н. Сперанский // Сперанский Н. Кризис русской школы. Торжество политики реакции. Крушение университетов. – М., 1914. – С. 115–127.

26. Трубецкой, С. Университет и студенчество [Текст] / С. Трубецкой // Русская мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание. – М., 1897. – Кн. IV. – С. 181–203.

27. Федосов, И. А., Долгих, Е. В. Российский абсолютизм и бюрократия [Текст] / И. А. Федосов, Е. В. Долгих // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 2. Власть и культура. – М., 2000. – С. 10–101.

28. Филиппов, М. М. Реформа гимназий и университетов [Текст] / М. М. Филиппов. – СПб., 1901.

29. Хотеевков, В. Ф. «Уравновешенная натура духовного европейца»: Александр Аполлонович Мануйлов [Текст] / В. Ф. Хотеевков // Очерки истории русского образования. – Т. 2. – М., 2002. – С. 266–283.

30. Хотеевков, В. Ф., Господарик, Ю. П. «Громадная, почти сверхчеловеческая энергия»: Сергей Федорович Ольденбург [Текст] / В. Ф. Хотеевков, Ю. П. Господарик // Очерки истории русского образования. – Т. 2. – М., 2002. – С. 284–292.

31. Хотеевков В. Ф., Иванова Л. Ф. Министр по должности, профессор по призванию: Николай Павлович Боголепов [Текст] / В. Ф. Хотеевков, Л. Ф. Иванова // Очерки истории русского образования. – Т. 2. – М., 2002. – С. 136–159.

32. Хроника. Из университетской жизни. Мнения периодической печати о предстоящей реформе университетов [Текст] // Вестник воспитания: Научно-популярный журнал / Под ред. Н. Ф. Михайлова. – М., 1901. – № 6. – Сентябрь. – С. 112–153.

33. Циркулярное предложение попечителям учебных округов о правилах для студентов университетов (27 августа 1902 г., № 23120) [Текст] // ЖМНП. – СПб., 1902. – Октябрь. – С. 89–93.

34. Чехов, Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века [Текст] / Н. В. Чехов. – М., 1912.

35. Чичерин, Б. Н. Воспоминания. Московский университет [Текст] / Б. Н. Чичерин / Вступ. ст. и прим. С. В. Бахрушина; под ред. С. В. Бахрушина, М. А. Цявловского. – М., 1929.

36. Чумакова, Т. Наука в российских университетах (вторая половина XIX века) [Текст] / Т. Чумакова // Высшее образование в России. – М., 2005. – № 2. – С. 103–110.

37. Щегина, Г. И. Университеты России и устав 1884 г. [Текст] / Г. И. Щегина. – М., 1976.

Bibliograficheski spisok

1. Avrus, A. I. Istorija rossijskih universitetov [Текст] : ocherki / A. I. Avrus. – М., 2001.

2. Andreev, A. Ju. Moskovskij universitet v obshhestvennoj i kul'turoj zhizni Rossii nachala XIX veka [Текст] / A. Ju. Andreev. – М., 2000.

3. Bastrakova, M. S., Pavlova, G. E. Nauka: vlast' i obshhestvo [Текст] / M. S. Bastrakova, G. E. Pavlova // Ocherki russkoj kul'tury XIX veka: v 6 t. – Т. 2. Vlast' i kul'tura. – М., 2000. – С. 329–394.

4. Vinogradov, P. Uchebnoe delo v nashih universitetah [Текст] / P. Vinogradov // Vestnik Evropy: Zhurnal istorii, politiki, literatury. – SPb., 1901. – Кн. X. Oktjabr'. – С. 537–573.

5. Vremennye pravila o professorskom disciplinarnom sude v vysshih uchebnyh zavedenijah Ministerstva narodnogo prosveshhenija [Текст] // ZhMNP. – SPb., 1902. – Oktjabr'. – С. 80–83.

6. Vremennye pravila ob upravlenii vysshimi uchebnymi zavedenijami Ministerstva narodnogo prosveshhenija [Текст] // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, po vole Gosudarja Imperatora Nikolaja Pervogo izdavaemoe. – SPb., 1908. – Sobr. III. – Т. XXV. – Otd. I. – С. 658, 659.

7. Vysshee obrazovanie v Rossii: Ocherk istorii do 1917 goda [Текст] / pod red. V. G. Kineleva. – М., 1995.

8. Glinskij, B. B. Universitetskie ustavy (1755–1884 gg.) [Tekst] / B. B. Glinskij // Istoricheskij vestnik: Istoriko-literaturnyj zhurnal. – T. LXXIX. – SPb., 1900. – Ch. 2. – S. 718–742.
9. Gospodarik, Ju. P. «Krizisnyj upravljajushhij»: Lev Aristidovich Kasso [Tekst] / Ju. P. Gospodarik // Ocherki istorii rossijskogo obrazovanija: K 200-letiju Ministerstva obrazovanija Rossijskoj Federacii: v 3 t. / pod red. V. M. Filippova, G. A. Balyhina, V. A. Bolotova, A. F. Kiseleva i dr. – T. 2. – M., 2002. – S. 239–251.
10. Zametki Nikolaja II o narodnom obrazovanii [Tekst] // Byloe. – Pg., 1918. – № 2 (30). – Fevral'. – S. 61–66.
11. Ivanov, A. E. Vysshaja shkola v Rossii v konce XIX – nachale XX veka [Tekst] / A. E. Ivanov / otv. red. S. V. Tjutjukin. – M., 1991.
12. Kapnist, P. Universitetskie voprosy [Tekst] / P. Kapnist // Vestnik Evropy. – SPb., 1903. – T. VI (224). – S. 167–218.
13. Kotov, A. Je. «Delo professora Ljubimova»: vlast' i obshhestvo v bor'be za universitet [Tekst] / A. Je. Kotov // Universitetskij zhurnal. Humanities and Science University Journal. – SPb., 2012. – № 2. – S. 63–76.
14. Kratkij obzor dejatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshhenija za vremja upravljenija pokojnogo ministra N. P. Bogolepova (12 fevralja 1898 g. – 14 fevralja 1901 g.) [Tekst] // ZhMNP. – SPb., 1901. – Ijul'. – S. 3–82.
15. Krichevskij, G. G. Uchenye stepeni v universitetah dorevoljucionnoj Rossii [Tekst] / G. G. Krichevskij // Istorija SSSR. – 1985. – № 2. Mart, april'. – S. 141–153.
16. Lejkina-Svirskaja, V. R. Russkaja intelligencija v 1900–1917 godah [Tekst] / V. R. Lejkina-Svirskaja. – M., 1981.
17. Ljashhenko, L. M. Aleksandr II, ili Istorija treh odinochestv [Tekst] / L. M. Ljashhenko. – 2-e izd., dop. – M., 2003.
18. Meroprijatija po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija: cirkuljar ob ustanovlenii komplekta uchashhij dlja pervyh kursov universitetov i ob ogranichenii uchashhij dlja prodolzhenija obrazovanija; cirkuljar ob organizacii prakticheskikh zanjatij dlja studentov, studencheskikh kursov i obshhezhitij; cirkuljar o nadzore za uchashhimisja v srednih uchebnyh zavedenijah; novyj proekt sistematicheskikh obshhedostupnyh kursov; cirkuljar ob universitetskoj inspekcii [Tekst] // Russkaja mysl': Ezhemesjachnoe literaturno-politicheskoe izdanie. – M., 1899. – Kn. VIII. Avgust. – Vnutrennee obozrenie. – S. 184–191.
19. Obshhij ustav Imperatorskikh rossijskikh universitetov [Tekst] // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. – 1864. Carstvovanie imperatora Aleksandra III. – SPb., 1893. – T. IX. – S. 985–1026.
20. Otechestvennye universitety v dinamike zolotogo veka russkoj kul'tury [Elektronnyj resurs] / Pod red. E. V. Olesejuka. – URL: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006>.
21. Petrov, F. A., Gutnov, D. A. Rossijskie universitety [Tekst] / F. A. Petrov, D. A. Gutnov // Ocherki russkoj kul'tury XIX veka: v 6 t. – T. 3. Kul'turnyj potencial obshhestva. – M., 2001. – S. 124–199.
22. Polozhenie o proizvodstve v uchenye stepeni [Tekst] // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. – SPb., 1864. – T. 2, otd. 2. – № 882. – S. 356–365.
23. Rozhdestvenskij, S. V. Istoricheskij obzor dejatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshhenija [Tekst] / S. V. Rozhdestvenskij. 1802–1902. – SPb., 1902.
24. Soboleva, E. V. Organizacija nauki v poreformnoj Rossii [Tekst] / E. V. Soboleva / Otv. red. A. V. Kol'cov. – M., 1983.
25. Speranskij, N. Razgrom russkoj vysshej shkoly. 1912 god [Tekst] / N. Speranskij // Speranskij N. Krizis russkoj shkoly. Torzhestvo politiki reakcii. Krushenie universitetov. – M., 1914. – S. 115–127.
26. Trubeckoj, S. Universitet i studenchestvo [Tekst] / S. Trubeckoj // Russkaja mysl': Ezhemesjachnoe literaturno-politicheskoe izdanie. – M., 1897. – Kn. IV. – S. 181–203.
27. Fedosov, I. A., Dolgih, E. V. Rossijskij absoljutizm i bjurokratija [Tekst] / I. A. Fedosov, E. V. Dolgih // Ocherki russkoj kul'tury XIX veka: v 6 t. – T. 2. Vlast' i kul'tura. – M., 2000. – S. 10–101.
28. Filippov, M. M. Reforma gimnazij i universitetov [Tekst] / M. M. Filippov. – SPb., 1901.
29. Hoteenkov, V. F. «Uravnoveshennaja natura duhovnogo evropejca»: Aleksandr Apollonovich Manujlov [Tekst] / V. F. Hoteenkov // Ocherki istorii rossijskogo obrazovanija. – T. 2. – M., 2002. – S. 266–283.
30. Hoteenkov, V. F., Gospodarik, Ju. P. «Gromadnaja, pochti sverhchelovecheskaja jenergija»: Sergej Fedorovich Ol'denburg [Tekst] / V. F. Hoteenkov, Ju. P. Gospodarik // Ocherki istorii rossijskogo obrazovanija. – T. 2. – M., 2002. – S. 284–292.
31. Hoteenkov V. F., Ivanova L. F. Ministr po dolzhnosti, professor po prizvaniju: Nikolaj Pavlovich Bogolepov [Tekst] / V. F. Hoteenkov, L. F. Ivanova // Ocherki istorii rossijskogo obrazovanija. – T. 2. – M., 2002. – S. 136–159.
32. Hronika. Iz universitetskoj zhizni. Mnenija periodicheskoi pečati o predstojashhej reforme universitetov [Tekst] // Vestnik vospitanija: Nauchno-populjarnyj zhurnal / Pod red. N. F. Mihajlova. – M., 1901. – № 6. – Sentjabr'. – S. 112–153.
33. Cirkuljarnoe predlozhenie popechiteljam uchebnyh okrugov o pravilah dlja studentov universitetov (27 avgusta 1902 g., № 23120) [Tekst] // ZhMNP. – SPb., 1902. – Oktjabr'. – S. 89–93.
34. Chehov, N. V. Narodnoe obrazovanie v Rossii s 60-h godov XIX veka [Tekst] / N. V. Chehov. – M., 1912.
35. Chicherin, B. N. Vospominanija. Moskovskij universitet [Tekst] / B. N. Chicherin / Vstup. st. i prim. S. V. Bahrushina; pod red. S. V. Bahrushina, M. A. Cjavlovskogo. – M., 1929.
36. Chumakova, T. Nauka v rossijskikh universitetah

(vtoraja polovina XIX veka) [Tekst] / T. Chumakova // Vysshie obrazovanie v Rossii. – M., 2005. – № 2. – S. 103–110.

37. Shhetinina, G. I. Universitety Rossii i ustav 1884 g. [Tekst] / G. I. Shhetinina. – M., 1976.

¹ Мысль о значении образования в деле создания «новой породы людей» впервые была высказана в начале XIX в. М. М. Сперанским. На протяжении всего XIX в. она не претерпела изменений: задача воспитания нового поколения подданных была возложена на профессоров и преподавателей как на государственных служащих, ответственных за это воспитание [27, с. 14, 35, 45, 57, 58, 75, 76].

² Преклонение российских самодержцев перед европейской культурой и наукой, хотя и было избирательным и не всегда последовательным, не могло не вызвать среди подданных императоров, как и они одержимых идеей создания «гармоничного» государства, новой культуры мышления и поведения, основанной на разуме и праве. Сама Екатерина II прививала дворянству интерес к идеям Просвещения, поощряла занятия философией и политическими науками, пробуждала у первого сословия чувства гражданственности и собственного достоинства [17, с. 216]. Александр I, также активно направляя Россию в «лоно европейской цивилизации», позиционировал себя приверженцем «просвещенного абсолютизма», сторонником власти закона, обещал обеспечить приоритет законности над волей монарха, а потому и смог склонить на свою сторону передовых представителей дворянской молодежи, готовых защищать либеральные идеи и прогрессивные реформы, инициированные императором [2, с. 8, 40]. Поднятый им вопрос о конституционном устройстве России в 60–70-х гг. XIX в. принял характер проекта национального развития, который пыталась претворить в жизнь либеральная интеллигенция, а среди наиболее чувствительных к теоретическим поискам ее приверженцев были представители «ученого сословия» университетов.

³ В 1815 г. Министерство народного просвещения приняло решение о приеме на вакантные кафедры исключительно русских преподавателей. Иностранцев начали приглашать лишь в исключительных случаях на невыгодных для них условиях: профессорам предоставляли только магистерские должности. Ситуация изменилась в 1862 г. В связи с планировавшимся резким увеличением направлений обучения Министерство просвещения сняло запрет на приглашение зарубежных ученых [7, с. 73, 102], но это уже не привело к новой европеизации университетов, как это было до 1812 г.

⁴ Не избалованные большими заработками современные преподаватели могли бы позавидовать своим коллегам, работавшим в Императорских университетах. Действительно, «скудным» по сегодняшним представлениям можно было бы назвать жалование только не включенных в штаты преподавателей, например, приват-доцентов. Во второй половине XIX в. профессора получали в месяц приблизительно в десять раз больше рабочих (с окладом 15–25 рублей в месяц). В С.-Петербурге и Москве прожиточный минимум в 60-х гг. составлял 10 рублей в месяц [17, с. 265; 24, с. 63].

⁵ По уставу 1804 г. для получения «двух высших университетских достоинств», магистерского и докторского, требовалось выдержать устные и письменные экзамены, прочитать установленное количество публичных лекций и на

собрании факультета защитить диссертацию (гл. IX. § 100–102).

Появившееся в 1819 г. «Положение о производстве в ученые степени» устанавливало вместо трех разрядов наук (по числу имевшихся на тот момент факультетов) сразу 14, но доктор наук по-прежнему именовался по факультету (философскому, юридическому, медицинскому). Магистрам же была предоставлена возможность именоваться по всем четырнадцати появившимся разрядам наук. Обе научные степени утверждались министром просвещения [15, с. 142].

Устав 1835 г. установил три ученые степени: кандидата, магистра и доктора. Для получения нижней ученой степени – кандидата – необходимо было иметь либо отличную успеваемость, чтобы «прямо», то есть со студенческой скамьи, войти в отряд ученых с чином X класса, либо выдержать устные экзамены в объеме полного университетского курса в специальной комиссии факультета с так называемым «кандидатским баллом» [гл. VI, § 112; 24, с. 171, 172].

«Положение об испытаниях на ученые степени» (1844 г.), конкретизировавшее общие критерии научной аттестации николаевского устава, сокращало сроки достижения следующей за кандидатской, более высокой ученой степени, превращало латинский язык в необязательный реликтовый способ осуществления научного дискурса, устанавливало 22 разряда наук (в том числе – 8 разрядов по историко-филологическим дисциплинам для соискателей магистерской степени и 9 – для получения степени доктора наук), уменьшало объем устных и письменных экзаменов, при успешной сдаче которых на факультетском собрании назначалась публичная защита диссертации. Утверждение в ученых степенях осуществлялось не советом, а вышестоящими инстанциями: кандидат – попечителем учебного округа, магистр и доктор – министром просвещения. См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения [22, § 2, 3, 10, 11, 16, 19, 21, 22, 25–30, 34, 36, 38–44; 7, с. 83, 143; 15, с. 143; 24, с. 173–175].

Устав 1863 г. облегчал условия получения ученых степеней. Степенью кандидата удостаивались, как и раньше, лучшие выпускники университета: награжденные медалью за решение научной задачи, а также получившие одобрение факультета за предоставленную диссертацию (гл. VIII, отд. II, § 94, 96). Для достижения степени магистра требовалось «устное испытание», но не по всей программе факультетского образования, а только по главным и «вторым предметам», закрепленным «Положением о производстве испытаний на ученые степени» (1864 г.) за выбранным соискателем разрядом наук. При успешном прохождении «испытаний» осуществлялась публичная защита диссертации (гл. IX, § 111, 112). Для получения степени доктора наук отныне требовалась только публичная защита докторской диссертации (§ 111).

Ученые степени могли присваиваться только «в порядке их постепенности» (§ 113), но в исключительных случаях устав разрешал «возводить в высшие ученые степени прямо и без испытания». Это касалось только «знаменитых ученых», прославивших себя серьезными научными трудами (§ 113, прим. а).

Утверждение в ученых степенях осуществлялось советом университета (гл. V, отд. I, § 42. А. № 4), а в званиях доцента (при наличии степени магистра) и приват-доцента (с кандидатской степенью) – попечителем учебного округа

(гл. VII, § 42. Б. № 2, 3; гл. VII, § 68, 72). Звание профессора требовало утверждения министра просвещения (гл. VII, § 72).

Последнее в XIX в. «Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени», появившееся в 1864 г., упраздняло экзамены на соискание степени доктора наук, отменяло министерское утверждение защищенных в университетах диссертаций, унифицировало количество магистерских и докторских научных разрядов, доведя их до тридцати девяти. Научные разряды стали соответствовать специализации кафедр, а не направлениям обучения на факультетах. Введением этого новшества Россия обогнала европейские страны, где ученые степени «именовались только по факультету» [15, с. 144; 24, с. 193].

Устав 1884 г., отменивший степень кандидата, допускал к соисканию ученой степени магистра выпускников университета с дипломами I и II степени (отд. III, гл. II, § 81,

86). По единогласному решению факультета соискатель магистерской степени, который теперь назывался магистрантом, мог претендовать «прямо на степень доктора», если его диссертация признавалась выдающейся (отд. II, гл. III, § 27. II. № 3, 5; гл. IV, § 30. I. № 3; отд. III, гл. II. Б. § 88). Совет университета по представлению факультета мог ходатайствовать перед министром о присвоении известному деятелю науки степени почетного доктора, не требуя при этом защиты докторской диссертации и руководствуясь только компетентным отзывом специалиста, признававшего исключительные заслуги ученого перед наукой. Степень почетного доктора давала право получать ординарную профессию, как и в случае защиты докторской диссертации (отд. II, гл. II, § 27. II. № 3, 4; гл. IV, § 30. III. № 10; отд. III, гл. II. Б. § 85, 89–91).